

ЛЕНА СОКОЛ

Из России
С ЛЮБОВЬЮ

Лена Сокол
Из России с любовью
Серия «Молодежная серия», книга 15

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66669148
Из России с любовью / Лена Сокол: Авторское; Москва; 2021*

Аннотация

Теория шести рукопожатий не работает. Бумеранг добра улетел, но так и не вернулся. Джон грустит в Лондоне и уже не надеется на чудо, пока в его студии не раздастся звонок от друзей из России. Заснеженные елки, ароматные мандарины и звон бокалов под бой курантов – вот, что ждет известного британца, если он отважится на рискованное путешествие.

НОВОГОДНИЙ БОНУС-РАССКАЗ по молодежной серии Лены Сокол.

Здесь вы встретите героев книг «Заставь меня влюбиться», «Влюбляться лучше всего под музыку», «Разрешите влюбиться», «Любовь по обмену».

Старые друзья снова в сборе, и, как обычно, все идет не по плану... Что происходит в Вегасе, то остается в Вегасе. Но что происходит в России – это просто настоящее безумие!

Содержание

Лена Сокол

Из России с любовью

31 декабря

Дима

– Бабуль, может скорую?

Мария Федоровна была непреклонна. Зря, что ли, она с утра прикидывалась больной, пытаясь заманить любимого внука к себе в Калиновку? Зря кряхтела в трубку, жалуясь на сердце? Зря посадила голос, жалуясь на хрипоту?

А куда теперь деть налепленные собственными руками четыре сотни пельменей? Им с дедом Веней столько до весны не съесть. Это вам не роллы заморские лопать, это настоящие русские пельмени размером с кулак! К тому же, в холодильнике ждали своего часа три литра хреновой заправки и целая батарея солений, что тоже не шутки.

– Знаю я эту скорую! – Поправив спортивный костюм от Гуччи, возмутилась она. – В прошлом году аккуратно после курантов вызывала. Приехал какой-то пьяненький очкарик – еле на ногах стоит. Икнул, сделал укол магнезии в диван, вежливо попрощался и, покачиваясь, ушел. Вот такая, ёшкин кот, медицина! Нет уж, внучек, давай-ка приезжай. – И безапелляционно: – Жду.

Не дожидаясь ответа, она скинула звонок. Сунула айфон

в карман и вернулась за компьютер: Контр Страйк сам себя не поиграет.

Старушка уже свору злобных пекинесов на сетевых пострелушках съела и совершенно точно знала, что с ней команда вытянет даже почти проигранный бой.

– Всё. Хана вам, засранцы! – С криком выбежала она из укрытия, моча гадов сразу с двух стволов.

Героический боевик с позывным «Мара» была коварна, дьявольски хитра, героически бесстрашна и совершенно безбашенна.

– Сюрпрайзмазафака! – Бросая гранату и падая на пыльный пиксельный асфальт, засмеялась она.

Анна

– Хр-р! – Вздвогнув от собственного храпа, проснулась Солнцева.

Впервые за прошедший год она уснула. Не так, чтобы лежать с закрытыми глазами в любой неудобной позе и слышать все, что происходит вокруг. А по-настоящему. Со сновидениями, с почти блаженным умиротворением и слюнями ровным слоем размазанными по подушке.

– А? – Первым делом молодая мать нашла глазами своего карапуза.

Суриков-младший мирно посапывал рядом с ней, придерживая своей крохотной ручонкой край воротника материнской пижамы – вероятно, чтобы не сбежала. Но она и не пла-

нировала.

Куда там: казалось, с момента рождения маленького Димки они срослись в единое целое. К тому же, девушка уже принаоровилась и прибираться с розовощеки́м бутузом на руках, и мыть с ним полы, и чистить картошку, и даже обедать. Ах, да – в туалет он ее одну тоже не отпускал: мало ли что. Подползал к двери ванной комнаты, стучал ладошкой и звонко ныл:

– Мама-а-а-а!

Вот и вчера с вечера у него начал резаться зуб. Слюны во рту у малыша скопилось столько, что она стекала наружу, пачкая одну за другой кофточки, поэтому срочно пришлось заводить новую стирку.

И пытаясь унять зуд в воспаленных деснах, Димка чесал их обо все, что попадалось под руку, даже охлажденные прорезыватели не спасали. А уже ночью недомогания ребенка стали настолько невыносимыми, что он решил отомстить за них и материнским нервам и ее же многострадальной груди.

Поэтому после прошедшей в плясках с бубном и Дмитрием Павловичем на руках ночи Анна Солнцева чувствовала себя не лучше героя ДиКаприо в фильме «Выживший». Впрочем, и выглядела она соответствующе: мятое лицо, всклокоченные волосы, выпученные красные глаза.

Потому и не удивительно, что порядочно умаявшись, бедная молодая мамаша отключилась под утро на диване прямо с сыном на руках.

Девушка профессионально, как сапер с многолетним опытом – резко, но быстро, выдернула из-под сына руку и осторожно встала. Вышла на цыпочках из комнаты.

– Лена Викторовна? – Удивилась она, войдя на кухню.

Думала, что Пашка после бессонной ночи не поехал на важную запись в студию и решил остаться с ними дома. И уж никак не ожидала застать свекровь, хозяйничающую у своей плиты.

– Доброе утро, Анечка. – Улыбнулась женщина. – Я вот овощи варю на салат. Мяса купила на рынке. Свежего... Пашка звонил, сказал, что Димка всю ночь хныкал, и некогда тебе будет маяться. Попросил помочь. Вот.

– Ох... – Девушка смущенно поправила гнездо, в которое превратилась ее прическа. – Спасибо...

– Ты садись, – Пашкина мать поставила перед ней тарелку с овсяной кашей. – Завтракай, и бегом в душ. – Налила в кружку заварки и кипятка. Молниеносно соорудила бутерброд с маслом и сыром. – Кстати, я тебя записала на 14.00 в салон красоты. Сходишь, перышки почищишь. – Женщина неловко пожала плечами: – И знаешь, что? Вечером я с Димулькой посижу, а вы с Пашкой сходите куда-нибудь. Ладно? А то ты совсем не отдыхаешь. Да и вдвоем вам, наверное, хочется побыть, да?

– Святая вы женщина! – Аня решительно подошла и сгребла любимую свекровь в охапку.

Ей все еще казалось, что она спит. Ну, не могло ей так

повезти! Да еще и под Новый Год!

Джон

Лондон к празднику опять удивил. Нет, не ясным небом – то все еще было затянуто серыми тучами. А противным мелким дождем, накрапывающим с утра по мостовой.

Да и настроение было хуже некуда. Та девушка, при воспоминании о которой сердце болезненно сжималось, пропала почти сразу после Рождества. Она не отвечала на звонки, игнорировала его сообщения, не выходила в сеть. «Наверное, на нее так подействовало семейное торжество, – думал британец. – Я слишком рано познакомил ее со своей семьей. Это было ошибкой. Она испугалась моего натиска и сбежала».

И он в который раз ругал себя за необдуманый шаг, за излишнюю импульсивность, которая была виной всех его поступков, касающихся этой девушки. Просто Джон с первого дня понял: она – та самая. И ни минуты в этом не сомневался. До этого момента.

– В центре города сегодня будет фейерверк. – Как бы невзначай, заметил Калвин, развалившись в кресле на колесиках и лениво вытянув ноги. – Не хочешь посмотреть?

Джон бросил скептический взгляд на окно.

– Не знаю.

Со стороны моста Ватерлоо колесо обозрения смотрелось абсолютно плоским и напоминало полоску, так как стоя-

ло к ним боком. Он вспомнил прошлогоднее столпотворение вдоль Темзы: шум, горы мусора, пьяных людей, плотный дым, и даже переливающееся всеми цветами радуги LondonEye¹ не прельщало его теперь к участию в этом скучнейшем действии.

– Нет. – Мотнул головой. – Не хочу. – Он выключил аппаратуру и решительно встал. – Пожалуй, лучше выплусь. Это полезнее для дела.

– Слушай, брат, не расстраивайся. – Калвину очень хотелось подбодрить друга. – Ты сам знал, на что идешь, когда выбирал этот путь. Ты ведь не идешь просто за славой и деньгами, ты делаешь гораздо более важное дело! Просто смирись, что твоя музыка *не для всех*. Люди привыкли потреблять простое: лучше всего, если им разжуют и положат в рот. Хочешь, запишем тебе что-то коммерческое? Тыц, тыц, тыц. Такое послезавтра и не вспомнят, зато срубишь денег – сразу и много.

Джон остановился и с улыбкой посмотрел на друга. Тот всегда умел вовремя напомнить ему, ради чего все это, и почему нельзя было отступать.

– А, давай, сегодня устроим вечеринку прямо здесь? – Предложил Калвин. Он потянулся к ноутбуку и настроил радио-волну. – Никуда не пойдем, наберем еды...

Не успел он договорить, как из динамиков полились первые ноты того самого хита, сделавшего буквально в одночасье

¹ LondonEye – Колесо обозрения в Лондоне.

сье простого паренька по имени Джон Н. знаменитым.

И вот так было всегда.

Что бы он ни писал, что бы ни исполнял: песня взлетала ненадолго, а потом, так и не достигнув вершины, покидала топ-чарты. Единственным непотопляемым хитом на все времена оставалась именно эта композиция, записанная на старую технику в маленькой провинциальной студии. И Джон все еще помнил это ощущение: после целого дня работы, когда была поставлена финальная точка, у всей команды возникло острое чувство – они сделали что-то особенное.

И этот чертов хит, в который была вложена частичка его души, реально порвал тогда все чарты мира, стоило ему только появиться. Но ни одна последующая композиция не подбиралась настолько близко к этому результату, и это печалило музыканта, мешало его творчеству, стопорило его в развитии.

– Я певец одной песни. – Устало качнул головой Джон.

– Тебе просто нужно проветриться. Ты устал. – Ободряюще хлопнул его по плечу Калвин и принялся дурачиться под порядком надоевший мотив.

В кармане завибрировало. Британец радостно достал телефон и с недоумением уставился на экран. Это была не она, это был его русский друг Дима.

– Хэй, Джон.

– Привет, дружище.

Он внимательно выслушал парня. Тот приглашал его на

празднование Нового Года в Россию.

Четыре часа на самолете – не так уж много. И самое время бы отказаться, да аргумент о том, что нужно проведать Марию Федоровну показался британцу особенно значимым. Старушка хорошо принимала его у себя год назад на свадьбе Маши и Димы. Хоть и был он там недолго, но уж больно проникся к ней теплыми чувствами.

– Э... Эм... – Он посмотрел на часы. – Ну, о'кей. Я буду.

– У нас сейчас хорошая погода. – Добавил Дима. – Тепло. Всего минус десять. Но ты все равно надень самые свои теплые вещи, ладно? Встречу тебя в аэропорту.

– Хорошо. – Согласился Джон и бросил сомнительный взгляд на торчащие из крокодиловых туфель белоснежные носки. – Хо-ро-шо.

Сергей Романович

Всё тлен. Достать червей и плакать!
И о сверчках рыдать навзрыд.
Забуть прелестнейшую мякоть
Жрать сухой корм «привет, гастрит»!

После того, как его лесная подружка неожиданно впала в спячку, Сережа не на шутку загрузил.

«Почему я не жираф? Видел бы облака, плывущие по верхушкам сосен. Почему не птица? Мог бы облететь весь мир, вдохнуть свободу полной грудью, воспарить над городом и

замереть, пикируя вниз. Так, чтобы сердечко затрепетало в груди, как крохотный жучок в банке. А перед самой землей снова взмахнуть крылом и взлететь в вышину».

Эх, было бы здорово. А так... Тяжело быть ежиком – никто не обнимет. Скучно. Обидно. Хочется собрать вещи в тряпочку, повесить их на палочку, палочку эту на плечо, и медленно уйти в туман.

А приходится тут. Мерзнуть. Сворачиваться клубочком, нос в попе греть. И даже табличку не напишешь: «Ушел в себя».

– Вот поэтому я вас и позвала. – Раздался голос хозяйки. – Грустный он какой-то стал. Все переживаю, как бы не холодно ему было. А то, сами знаете – анабиоз. Или того, что похуже – кони двинет.

«Какие кони? Где?» – Встрепенулся Романыч.

Он никак не мог привыкнуть к этим выраженьицам у людей. Особенно раздражали: «И ежу понятно» и вот эта – «Стричься под ежика». Каждый раз пугался, что кто-то придет его иголок лишать.

– Смотри, это он нам радуется. – Сказала Настя, вынимая его из клетки.

– Я не помылся, не причесался даже еще! – Пытался сопротивляться Сережка, но, увы, его не слышали.

Бесцеремонно прижали к груди.

– Соскучился он по вам. Возьмите его с собой. А?

Игорь

Игорь Рублев понимал, что напрасно тратит время. Вика все равно не будет с ним. Не потому, что любит кого-то другого. Нет. Просто Старыгина была жутко упряма. Ей хотелось, чтобы как в сказке – принца на белом коне, не меньше. А с Игорем... что с Игорем?

С ним было привычно. Они то сходились, то расходились, то ругались в пух и прах. И все равно их пути рано или поздно снова пересекались.

– Старыгина, я к тебе. – Шагнул он к ней в палату.

– Ай! – Вика спрятала лицо под одеяло.

В люксовой палате она находилась одна, поэтому парень не думал, что кто-то мог им помешать. Отчего тогда Вика пряталась? Была не одета?

– Вик, ты чего? – Он положил мандарины на тумбочку, а еловые ветки сунул в вазочку.

– Я не велела никому приходить. И вообще... я не накрашена!

– Вик. Это же я.

– Уходи, Игорек. – Всклипнула она. – Не надо мне никого!

Парень взял вазу, набрал воды и поставил обратно.

– Просто я подумал... Тебе же одиноко, наверное. Под самый Новый Год так нелепо ногу сломать.

– А я тебе говорила, что не умею на коньках! – Взвизгнула она, отгибая одеяло.

– А я тебе руку протягивал. Сама не взяла.

– Потому что... потому что... – Вика поджала губы и отвернулась.

– Давай вместе Новый Год встречать, а?

– Не получится у нас с тобой ничего, Игорек. – Тихо прошептала девушка. – Я тебе уже сто раз говорила.

– Но ведь нам так хорошо вместе. – Он посмотрел ей в глаза. – Чего тебе еще надо?

– Встретить свою судьбу!

– Ну, и дура! – Подскочил он. – Все равно со мной будешь! Вот увидишь!

И бросился прочь из палаты.

Джастин

– Будем коптить рыбу! – Обещал отец Зои.

Но после поездки на охоту у него резко поднялась температура. Теперь он лежал прямо в гостиной и дрожал под двумя одеялами, а вся семья бегала вокруг него с лекарствами и горячим чаем.

– Хорошо хоть совсем не околели. – Причитала мать Зои. – Как уже надоела эта ваша рыбалка, охота, сети ваши, ружья. Чуть не поубивали друг друга в прошлый Новый Год.

И это дяде Мише еще повезло: его товарищ Толик попал сегодня в больницу с обморожением. Одному Зяме все ни-почем – пёс нажрался тушенки и гонял, как угорелый, за зайцами. Вот и не замерз.

Одна беда: хозяин его под Новый Год очутился в больни-

це, и собаку дяде Мише пришлось взять к себе домой. А жена его Зяму жуть как не выносила.

– Так они ж с Толиком из одной миски едят! В одном спальнике спят! – Объяснял дядя Миша. – А ты его в будку да на мороз хочешь выдворить. Окочурится ж бедный! Это тебе не овчарка, а курцхаар. Благородная кровь. Да, и гляди, какой он голозадый. Точно отморозит себе что-нибудь. Мне потом Толян не простит!

Зяма, догрызая ножку стула, даже не понимал, какая серьезная угроза над ним нависла.

– Вы же в деревню едете? – Обратилась к Зое ее мама. – Возьмите это чудо-юдо с собой, а? Хоть сутки от него отдохну.

– Хорошо. – Устало вздохнула Зоя, надевая на пса поводок.

Ей не терпелось уже уехать и отдохнуть от всей этой головомойки. Пусть и с собакой, главное, чтобы они с Джастином были вдвоем.

Джон

Как сказали бы Гитлер и Наполеон: собираясь в Россию, не забудьте о погоде.

Поэтому Джон, памятуя о прошлогодних приключениях, надел на себя почти все, что было в его скромном чемодане. Он бы и отказался выйти из помещения аэропорта без арктической куртки и термобелья, но в Дьюти Фри таким не

торговали, а времени подготовиться заранее у него не было.

– Привет, дружище! – Дима бодро обнял его, подхватил чемодан и махнул в сторону выхода.

Джон засеменял следом.

Он собирался с духом, чтобы добежать до автомобиля и не превратиться в сосульку. Британец мечтал скорее доехать до бабули и переодеться во что-то более приемлемое для местного климата. К примеру, в те valenki с галошами, с эмблемой в виде серпа и молота сбоку, что она давала ему в прошлом году. В большую дутую куртку с воротником и шапку русской армии под названием ushanka. Ммм, мечты...

– Не поскользнись, – заботливо напомнил Дима, выходя в двери.

Британец уже услышал, как завывает ветер. «Нет, только не это. Не снова».

Мама пугала его хакерами, а друзья русскими коммунистами, которые по сведениям СМИ, выскакивали из темных переулков и нападали на иностранных гостей, в каждом из которых они видели шпионов.

– Они очень агрессивные. – Говорил один из приятелей. – Потому что хотят вернуть мощь СССР. Именно эти злые люди не дают похоронить Ленина по-человечески.

А вот Джон знал, что русский холод был гораздо страшнее всех этих баек. И хождение по ледяным тротуарам здесь было отдельным, зимним видом спорта, в котором британец еще не преуспел. Потому и покатился по дороге в противо-

положную от машины сторону, размахивая руками, чтобы не упасть.

– Оу... оу... Хэ-э-элп!

Солнцезащитные очки моментально примерзли к лицу, а ледяные когти холода забрались уже в самые интимные места.

– Хэлп ми! – Пискнул он.

– Аккуратнее. – Подхватил его Дима в самый последний момент.

И британец вцепился в его руку, что было мочи.

– Я тут сдохну. – Простонал Джон.

– Нет. Ты чего. – Калинин катил его за руку в сторону стоянки. – Здесь зимой лучше не умирать. Могилы по три дня копают, землю приходится оттаивать горячим утюгом.

И хохотнул так зловеще, что британец вздрогнул, гадая, шутка это была или нет.

– Садись. – Парень открыл ему дверцу машины.

И Джон, не чувствуя пальцев ног и собственного носа, забрался в салон. Первым делом он достал телефон, но тот замерз и отказывался работать. Тогда британец глянул на часы:

– Сколько у вас? Пять часов? Боже, почему так рано темнеет?

– Привыкай. – Усмехнулся Дима. – Сейчас печку включу.

Все еще стуча зубами, Джон наблюдал в окно белоснежные поля и покрытые бурой жижей дороги. Теперь он понимал, что меховые шапки были придуманы не для того, чтобы

те смешно смотрелись в голливудских фильмах, а для того, чтобы реально спасти от смерти. Да он готов был последний доллар отдать сейчас за такую!

– А это что еще за... – Вскочил он, стукнувшись головой об обшивку, и приник к холодному стеклу окна.

Дима обернулся на звук и увидел заходящих в реку полуголых людей.

– А. Это моржи. – Спокойно ответил он. – Они верят в целебные свойства воды.

– Они же погибнут!

– О, нет, не переживай. – Весело отмахнулся татуированный парень. – Иностранцы зимой тепло одеваются, а русские раздеваются. Все нормально.

– О, май гад...

– Джастин тоже так говорил. Ничего, привык. – Дима остервенело посигналил, открыл окно и выругался на русском.

Они попали в пробку.

Джон еще в прошлый приезд уяснил: русские водители сами создают эти пробки, которые их же и раздражают. Спрятал темные очки в карман, британец дул на онемевшие пальцы и молился, чтобы они с Димой не замерзли здесь до смерти.

– Ох, надо же. – Усмехнулся Калинин, когда автомобиль, наконец-то, сдвинулся с места. – Видишь, Новый Год – время чудес. Едем дальше!

Но Джон считал себя слишком взрослым, чтобы верить в чудеса. Он уже и не мечтал, что снова когда-нибудь почувствует любовь обжигающим огнем на кончиках пальцев. Если бы желания сбывались, он бы загадал именно это.

Джастин

– Без русских Новый Год совсем не прикольный. Только они знают, как его нужно встречать! – Радостно поприветствовал он британца, трясущегося от холода.

Джон как раз оплакивал свои модные туфли, покрытые разводами от противоледного реагента, когда бабуля принесла ему теплые тапочки и прямо на пороге крепко сжала в объятиях.

– Заморозили мне пацана! – Погладила двухметрового детину по светлой головушке. – Ничего, маленький, сейчас отогреем тебя. Есть у меня народные средства.

Старые друзья, столпившись в прихожей, тоже обменивались объятиями.

– У меня всего несколько часов! – Воскликнула Солнцева. – Мне нужно всю культурную программу выполнить за это короткое время.

– Оу, программа. – Опьяненный лесным воздухом, ароматами печки, мандаринов и хвои, испугался Джон.

– Ребят, как перевести британцу жрапокалипсис? – Обнимая друга, засмеялась Аня.

– Это надо пережить. – Уверенно заявил американец. И

уже по-русски добавил: – Больше никак не объяснишь.

– Все за стол! – Скомандовала бабушка.

– Уже? – Спросила Зоя.

– Это только первый подход. – Предупредила Маша. – Вы еще плохо знаете нашу бабушку.

И как только ребята собрались в гостиной, все встало на свои места: шестиметровый стол буквально ломился от еды. Рота солдат могла питаться этими припасами, наверное, не меньше недели, но никто, кроме Димы не знал – просто сразу все на стол не влезло. Пельмени, горячее, утка – все ожидало своего часа на кухне.

Дед Веня усадил британца рядом с собой и стал показывать блюда. Британец совершенно ничего не понимал из его речи, но с шедеврами русской кухни, как и Джастин, был уже немного знаком.

– Shuba!

Пирог из слоев соленой рыбы с овощами, покрытый коркой из майонеза цвета фуксии.

– Kolbasa!

Рыхлое внебрачное дитя сосиски.

– Oliv'e!

Мерзко выглядящая, но потрясающая на вкус мешанина из картошки и других овощей.

– Holodetz!

Желе из мяса. Бррр....

– Solyanka!

Похоже, какой-то суп.

В России суп вообще очень важное блюдо: щи, борщ, окрошка. У них даже напитки – фруктовые супы. Компот, кисель. Последний, например, суп из сока и крахмала.

Маша

– У нас есть поверье. – Сказала она, когда все расселись за столом. – Как Новый Год встретишь, так его и проведешь. – Она повторила фразу, но теперь уже на английском, а затем оглядела присутствующих: – Я так рада, что все мы сегодня здесь вместе! Значит, и год пройдет весело и тепло!

Бабуля прослезилась:

– Спасибо, что приехали, деточки!

Дима разлил по стаканам горячий сбитень, и ребята чокнулись.

Свежо было прошлогоднее воспоминание, когда они, пряча от бабули спиртное, зарыли его под снегом во дворе. К несчастью, тогда начался снегопад, следы замело, и сколько они не чистили лопатами двор, найти заначку не могли. Правда, весной бабушка удивлялась: откуда под яблоней «выросло» две бутылки джина? Но так как никто не сознался, то удар пришлось брать на себя давно находившемуся в завязке деду Вене.

– Чаю? – Он налил британцу из чайничка.

– Oh, thank you!

Все весело болтали, Джастин гордо рассказывал Джону о

своих успехах в футболе, Пашка о том, что снова пишет музыку. Настя хвасталась девочкам о том, как они с Ромой хорошо устроились в съемной квартире, Аня гордо делилась с подругами байками о своих материнских подвигах.

Воспользовавшись моментом, Мария Федоровна подозвала внука к себе и тихо прошептала:

– Надо бы Джонушке показать Деда Мороза. Настоящего. Волшебного. У меня в шкафу два костюма, надевайте-ка с ребятами, и бегом в лес. Пусть, как в сказке, встретит дедушку в лесу с подарками.

Сергей Романыч

– Ты кто? – Над ухом громко звянькнуло.

Землетрясение? Ох, нет же. Это был собачий лай.

– Что надо? – Сергей вылез из теплого домика.

– Привет! – У собеседника были длинные черные уши, глаза-пуговики и здоровенный нос, которым он нагло ткнул в Серегу.

Огромный какой. Да уж, размером непрошенный гость был раз в пятьдесят больше ежа.

– Эй, полегче. – Романыч выпустил иголки и зашипел.

– Я – Зяма. – Сказало чудовище. – Гав! А ты что за зверь?

– Угадай.

– Мышь непричесанная.

– Ёж. – Насупился Серега.

– Да? – Пёс выпачкал его своей липкой слюной. Гадость. –

У моего хозяина расческа – совсем как ты.

– Угу.

– Играть будешь? – Собакен крутнулся вокруг своей оси три раза.

– Не, я бы лучше прогулялся. Или поел.

– Не. – Пес отчаянно замотал головой. – Гулять я тебе не советую. Тут кот соседский на крыльце – как адский гризли. Вцепится, тебе не жить. Я один раз сходил, мне хватило. Лучше посижу дома.

Сергей пораскинул ежиными мозгами:

– Могу предложить тебе сделку.

– Какую? – У пса загорелись глаза.

– Я разделаюсь с этим котом, а ты мне притащишь жратвы с кухни.

– Идет. – Радостно завилял Зяма. – А ты... того, этого... не боишься кота? Он, собака, страшный, как смерть! Когтищи – во. Зубы – во!

– Так я ж это... – Ежик пожал плечами. – Ёж Клод Ван Дамм. Я никого не боюсь.

– Тогда садись. – Пёс с безумными глазами подставил ему спину.

– Ни за что. – Серега скатился по креслу и встал на лапки на полу. – Побежали так.

Но забег, скажем прямо, не совсем удался. Зяме пришлось трижды возвращаться, чтобы проверить, где его новый напарник.

– Еще немного, и мы у двери. Зато набегаясь, и уснешь сном младенца. – Гавкнул он.

– Еще немного, и я усну вечным сном. – Запыхавшись, пробормотал ежик. – Давай свою спину.

Пес наклонился, посадил Серегу, и они вместе выбежали на крыльцо. Схватка с котом закончилась быстро – стоило только усатому шоркнуть лапой по ежиным иголкам, как он, жалобно мяукая, полетел покорять соседский забор.

– Свобода! – Заорал Зяма, как припадочный.

И выполнил еще несколько оборотов вокруг своей оси.

– А теперь. – Пес бережно занес ежа в дом, посадил на подоконник и накрыл рукавицей. – Жди хлеба и зрелищ! Я все устрою!

Зоя

После того, как Зяма умыкнул с разделочного стола три сосиски, дверь в кухню для него закрыли навсегда.

– Я так и знала, что с ним будут проблемы. – Качала головой Зоя. – Жди, он еще в прихожей навалит кучу, придется нам с тобой убирать.

– Не переживай. – Попытался успокоить ее Джастин. – Сейчас на улице побегает, и уснет до утра.

Он выпустил собаку во двор и взял пиротехнику.

– Сейчас, пока фейерверки пускаем, – предупредил Дима, – Дед Мороз со Снегурочкой спрячутся в лесу с подарками. Потом мы пойдем гулять и будто бы случайно, – он

нарисовал в воздухе кавычки, – встретим их. Гениальная бабушкина идея.

– Отлично. – Согласились ребята.

Мария Федоровна облачила своего любимого Джонушку в армейский бушлат, ватные штаны, валенки и нахлобучила меховую шапку:

– Вот, теперь не замерзнешь.

– Я начинаю ревновать, – засмеялся Дима, когда старушка поцеловала британца в обе щеки.

– Да ты что, сыночек. – Она перекрестилась. – Я же его жалею. Он же там, в своей Англии, ничего хорошего не видел. Еда у них пластмассовая, а мужики вообще с мужиками спят. И не смейся, я «Рен-тв» смотрю, все знаю!

– Ой, бабуль. – Обнял он старушку.

– Идите уже. А я помогу Роме с Настей в Деда Мороза и Снегурочку переодеться.

– Ты бы еще заставила Джона на табуретке стихи читать!

– Что? – Обрадовался британец, услышав свое имя.

– Идем устраивать Армагеддон! – Поташил его на улицу Калинин.

Маша

– Ставь в снег и зажигай. – Подказала она брату.

Веселая компания собралась во дворе. Пашка воткнул в сугроб большую петарду и достал спички. Зяма громко залял.

– Этого пса опять кто-то напоил? – Взволнованно спросил Джастин, кутаясь в воротник.

– Вроде нет. – Глядя, как пес нарезает круги по двору, пожала плечами Зоя.

Бедный Джон уже подпрыгивал от холода.

– Сейчас будет красота! – Попытался на пальцах объяснить ему дед Веня. – Файер-шоу, андерстенд?

Британец закивал.

– Будем запускать салюты! Пыщ-пыщ!

– Оу, андестенд, андестенд.

– И тебя запустим, Стрелка. – Усмехнулся Пашка, бросив взгляд на нетерпеливо носящегося туда-сюда Зяму.

Знал бы он, что в следующую секунду пес схватит длинную петарду в зубы, так бы не радовался.

Стоило только свече заискрить, как Зяма бросился и прихватил ее зубами. Вытащил из земли и понесся по двору.

– А-а-а! – Закричали девчонки, когда раздался первый залп.

За ним второй, третий. Все бросились врассыпную. А Зяма так и продолжал бегать, пуляя снопами искр и цветными зарядами – то в небо, то в землю, то прямо ребятам под ноги.

– Брось! Брось, собака! – Орал из укрытия дед Веня. – Ух, вражина!

И сам чуть не отведал вражеских пуль. Пришлось нырнуть в сугроб – от греха подальше.

– Девять! – Крикнул Дима. – Сейчас десятый, последний.

Едва пульнуло, Зяма выбросил снаряд и удрал. В воздухе воняло, будто кто-то взрывал тротиловые шашки. Бедный Джон лежал без движения лицом вниз.

– Вот козлина! – Ругая пса, Пашка наклонился, чтобы поднять хлопушку, и вдруг услышал треск.

Брюки лопнули!

Побежал переодеваться, а когда вышел, народная русская забава «катание на снегоходе» была уже в самом разгаре: его собственная жена, которая не могла не отжечь, если уж была возможность, приказала британцу сесть сзади и держаться крепче.

– Маленькая, ты же только на водном мотоцикле каталась! – Успел сказать Пашка, когда раздалось лихое «у-а-а-а-а-а», и адова машина сорвалась с места.

Азарт, как говорится, хуже дресни: Анну было не остановить.

А когда через минуту снегоход зарулил обратно во двор, Солнцева была уже без пассажира.

– А где Джон? – Испуганно спросили ребята.

– Как где? – Аня остановила машину. – Здесь. – Обернулась и виновато пробормотала: – Упс...

Джон

Если бы британец, не боялся медведей, он бы непременно позвал на помощь сразу, как свалился со снегохода. А так ему приходилось лежать в сугробе в той же позе, в которой

он сидел и держался за талию Солнцевой – с вытянутыми вперед руками и выпученными от страха глазами.

«Бойся диких медведей и пьяных мужиков», – предупредила мама. Она не знала одного: пьяных медведей и диких мужиков тоже стоило остерегаться.

Джон теперь боялся и тех, и этих. Он лежал, боясь пошевелиться, и даже дышать нормально не мог от холода. В носу щипало.

А в лесу стояла подозрительная тишина.

Темно-синее небо, усыпанное звездами, словно покрывало укутывало вершины сосен. Звук снегохода уже не отдавался рокотом вдали, и только стволы деревьев трещали от мороза.

– Все-таки, что-то такое было в этом мутном чае из чайника деда Вени. – Думал Джон, обжигаясь своим дыханием. – Crazy Russians...

Небо подрагивало перед его глазами, а ветви хвойных выделяли забавные па, шатаясь на ветру. «Как же все-таки красиво, – плясали мысли, – это вам не тучи и угрюмые пейзажи столицы».

Наконец, послышались голоса.

Несколько человек приближалось к тому месту, где британец намеревался стойко замерзнуть насмерть. Джон еще помнил рассказы Джастина о местных жителях, которых все звали *gorņiks*. Спортивные костюмы с туфлями, странные кепки. Эти типы еще постоянно грызли семечки.

– Ни в коем случае нельзя убежать от них. – Учил американец. – Если они обратились к тебе, нужно вежливо выслушать. Обычно они спрашивают: «Курить есть?» На этот вопрос отвечать следует положительно. Потому что следующий вопрос может прозвучать как: «А если найду?»

Помня об этих предостережениях, Джон выбрал наилучший вариант: притвориться мертвым.

– Ох, это ж наш британец! – Воскликнул кто-то у самого его носа.

И вдруг иностранец почувствовал тычок в грудь: они явно проверяли, жив ли он.

– Слава богу! – Голосов стало больше. Вокруг него собиралась толпа. – Джон! Джон!

Услышав свое имя, парень подскочил от радости, резко открыл глаза и увидел перед собой странного мужика с бородой.

– А-а-а-а-а!!! – Завопил он, отмахиваясь заледеневшими руками.

– Тише-тише, это же Дед Мороз! – Склонился над ним Дима. – Санта-Клаус по-вашему. А вот его внучка – Снегурочка.

– Хоу-хо-хоу. – Пропел бородатый.

И Джон снова качнул головой, но галлюцинации не рассеялись.

Дима

– Держи варежки! Замерз совсем. – Рома наклонился, протягивая рукавицы, но Джон как-то странно дернулся, отчего рука Деда Мороза взметнулась и угодила аккурат по носу стоящему рядом Пашке.

– Черт! – Выругался Калинин.

Из носа Сурикова фонтаном брызнула кровь.

Девчонки, увидев капли, струящиеся по подбородку Пашки, испуганно заверещали, но Дед Мороз-Рома не растерялся: рванув себя за бороду, оторвал кусок ваты и приложил к лицу Пашки.

– Ну, как так? – Взмолился Суриков.

– Прости, братан. – Рома отпловинил от бороды огромный кусище и помог стонущему Пашке остановить кровотечение.

Джон, окончательно придя в себя, шептал что-то нечленораздельное и не понимал, отчего все хохочут.

– Ну, что? – Рома обернулся к ребятам. Вытер окровавленные руки о халат и усталым голосом произнес: – Кто еще хочет получить подарочек от Деда Мороза?

Отсмеявшись, вся компания направилась обратно в дом.

– Снегурочка, это его внучка? – Недоверчиво спрашивал Джон, с опаской поглядывая на Деда Мороза. – А где тогда ее родители?

И опять все почему-то смеялись. Ответа никто не знал.

– Ну, как ему Дед Мороз? – Сразу с порога спросила бабуля.

– Очень впечатляюще, – ответил Дима, едва сдерживая смех сквозь слезы.

Джон

Они обещали, что будет весело. Они говорили, что баня это приятно. Что она расслабит, отвлечет, согреет. Никто не предупреждал, что это настоящий сеанс мазохизма. Даже Джастин промолчал – бежал в эту камеру пыток впереди всех.

– Нужно раздеться.

– Почему именно голышом? – Смущался британец.

И недоверчиво озирался по сторонам. Дед Веня, Дима, Роман, Паша, Джастин – все бодро разделись и ждали только его. Деваться было некуда. Сбросив одежду, он напялил шлепанцы и под ободряющее улюлюканье ступил внутрь.

– Гуд? Гуд? – Дружно переспрашивали они, пока британец озирался.

Черные от жара стены, темно-желтый свет, большая, промышленная печь, шаткие деревянные скамейки. Но смущало британца не это, а то, что ровно через десять секунд ему стало нечем дышать, и больно было моргать.

– Нужно сопротивляться жару. – Объяснил Дима, преграждая путь к свободе.

– О'кей. – Пробормотал Джон, гадая, как надолго хватит его здоровья.

Они расселись на лавках плечом к плечу. Точно гномы

возле печки: Дима раздал всем остроконечные шапочки. Нет, ну, только русские могли в такую жару носить шерстяные шапки!

– Чтобы мозги не закипели. – Пояснил Джастин, широко улыбаясь.

Британец чувствовал, как открываются его поры, как по плечам и лицу текут реки пота. Терпеть становилось все труднее. И тут дед Веня встал, чтобы подогреть камни в печи, полив их водой.

– А сейчас начнется жара! – Радостно объявил Дима.

«Эй, ребята, а до этого что тогда было?!» – опешил Джон, но сказать ничего не мог – кипяток, растворенный в воздухе, уже раздирал его легкие. Похоже, русские решили сварить его заживо!

– Хорошо! – Крикнул Роман.

Джон мог поклясться: на их лицах была радость и улыбки.

Музыкант почти набрался смелости, чтобы совершить отчаянный бросок и прошибить лбом дверь, когда присутствующие вдруг схватились за какие-то ветки с листьями.

– Что это? Опахало? – Кашляя, спросил он.

И они реально сначала разгоняли им воздух, но уже через пару секунд началось нечто страшное, что напомнило Джону изгнание дьявола. В темном помещении воняло горелыми апельсинами и травой, а покрасневшиеся парни в клубах раскаленного дыма отчаянно хлестали друг друга ветками по всем частям тела.

Сначала он наблюдал за этим сеансом экзорцизма, забившись в уголок, а затем стал тихонечко прокрадываться к выходу. Вот как раз в этот момент кто-то и огрел его горячим веником по спине.

– А-а-а! – Взвыл Джон.

– Правильно, – похвалил Дима. – Кричи. В бане надо орать.

– Ложись. – Скомандовал Пашка.

Не отбиваться же от компании душевнобольных, все-таки шансы не равны. И британец послушно лег лицом в лавку.

– Это полезно! – Приговаривали они.

Какая от этого может быть польза? У него, наверняка, останутся шрамы от плетей.

– А бить-то зачем друг друга? – Спрашивал он, вскрикивая каждые две секунды.

– Ну, как? – Опешил Дима. – Сам-то себя не похлещешь!

Они гладили его веником, растирали, чтобы грязь отстала от кожи, а потом снова беспощадно колотили. А затем, вместо того, чтобы оставить в покое, вдруг окатили ледяной водой. И снова били. И еле живого заставляли нырять в снег, чтобы ожил.

Холод, жар, холод – семь кругов ада. Это и была русская баня.

Закутанный в махровый халат, Джон вернулся к столу. Он больше не чувствовал себя нафаршированным рождественским гусем. Он чувствовал себя обновленным, умиротво-

ренным. Еще ни одно испытание в жизни не приносило ему такой награды за страдания.

Похоже, баня смыла все его тревоги.

Маша

– Почему весь вечер показывают этот фильм? – Спросил румяный Джон, кутаясь в халат.

– Это «Ирония судьбы». – Объяснил Дима, падая на стул рядом с ним. – Его смотрят каждый год. Это традиция.

– Зачем?

Калинин пожал плечами:

– Чтобы понять загадочную русскую душу, наверное.

Довольная бабуля порхала вокруг стола, подавая горячее. Маша помогала ей расставлять тарелки. Дед Веня притащил бутылки шампанского и поставил на стол. Фокус с самогонкой, которую он потихоньку потягивал из чайника, похоже, удался, поэтому дед рассчитывал, что ему и игристого перепадет.

– Готовимся к свиданию с президентом! – Объявила Зоя, раздавая красные колпачки с белым мехом.

Ребята охотно надевали их на головы.

– Мне б дожить, – зевнул Пашка, глядя на часы, а затем на экран телевизора.

– Кто не веселится до утра, тот слабак! – Потрепала мужа за плечо Солнцева.

– А чего мы ждем? – Поинтересовался Джон, заметив об-

щую суету.

– Выступление президента. – Пояснила Маша. – Сейчас он скажет, что жить станет лучше и веселее.

Она едва не хлопала в ладоши, и британец никак не мог понять, отчего русские так радовались, ожидая выступление своего диктатора.

– Ты уже придумал желание? – Спросила она.

– Желание? – Нахмурился Джон.

– Да. У нас есть такая традиция. Пока бьют куранты, нужно написать на бумажке желание, поджечь, бросить пепел в бокал и выпить. Если успел – сбудется.

– О, я попробую.

Зоя раздала бумажки. И все зачем-то встали.

Оказалось, так они приветствовали своего лидера.

Пашка и Рома замерли с бутылками шампанского в руках, но не спешили открывать. Путин что-то говорил по-русски, и все внимательно слушали. Особенно бабушка.

– Что он говорит? – Спросил Джон шепотом.

Дима решил пояснить на русском:

*– Говорят, мы бяки-буки,
Как выносит нас Земля?
Обозлилась вся Европа,
Нас дерут за Скрипалю...*

– Дима-а-а-а!!! – Взмолилась Маша, награждая мужа тычком в бок. – Это неполиткорректно. Блин, да, ну тебя!

– Путин говорит, что границы России нигде не заканчиваются, – с серьезным видом сказал Джастин. – Правда, это весьма вольный перевод.

Джон понимал, что не зря они согнулись от смеха, и тоже решил дать волю чувствам. Его низкий глубокий смех прокатился волной над столом.

– Ура! – Парни начали открывать шампанское.

– Ура!!! – Подхватили девчонки, бросившись писать желания на листочках.

Джон мешкал, глядя на бумажку. Новый хит? Любовь? Что пожелать? Все-таки он нацарапал что-то на листочке, взял зажигалку, поджег – пламя взметнулось и обожгло ему пальцы. Не сторевшие до конца кусочки упали в бокал, а британец принялся прыгать, размахивая руками.

– Фак, фак...

«Огонь на кончиках пальцев – не это ли ты загадывал еще днем?» – потом смеясь, спрашивал он себя.

Зоя

Что она могла написать? То, о чем думала давно – она хотела для них с Джастином нового этапа в отношениях. Свое гнездышко, отдельное от родителей, где никто не диктует, как жить. Зоя хотела, чтобы они всегда были вместе. Написала, сожгла, бросила пепел в бокал и... чуть не подавилась!

Потому что на дне бокала обнаружила обручальное кольцо.

– Что это? – Она смотрела на маленький блестящий обруч со сверкающим на нем камнем и хлопала глазами от удивления.

– Would you marry me? – Джастин опустился перед ней на одно колено.

О таком она даже не мечтала. Бросилась ему на шею и утонула в криках и аплодисментах ребят, радовавшихся за них.

И никто не заметил, как Маша выбежала из-за стола и бросилась прочь. Почти никто – кроме Димы.

Дело в том, что сбылось *его желание*. Марья еще не знала, что беременна, и не понимала, отчего ее весь вечер мутило в разгар устроенного бабушкой жрапокалипсиса?

И апогеем этой тошноты стал пепел, брошенный в бокал – тот ни за что не хотел лезть в горло, а единственный прошедший внутрь глоток тут же попросился наружу.

Игорь

Вика лежала с загипсованной ногой и плакала от того, что не может броситься за ним. Опять обидела, опять прогнала. Ну, что за дура такая? И ведь правильно он сказал! Дура она и есть. Вечно от добра добра ищет.

«Встречу свою судьбу» – нафига она такое ляпнула?

А ее судьба тем временем разгуливала по улицам города, раздумывая, как же его угораздило влюбиться в такую капризную и избалованную девчонку. Игорь мерз все сильнее,

но домой, где его никто не ждал, возвращаться не хотел.

И только он подумал, что видно не судьба, как сорвавшаяся с фасада здания за секунду до полуночи здоровенная со-сулька огрела его по голове.

Упал.

Крики прохожих, шорох шин по заснеженной улице – все стало каким-то фоновым и далеким. Игорь потерял сознание.

– Следите за движениями фонарика. – Приказал чей-то голос.

Парень с трудом приходил в себя.

– Ага. Живой. – Это уже была медсестра.

– Повезло тебе парень. – Врач убрал инструмент в карман и улыбнулся. – Хорошо, что в капюшоне был. – Он продолжил осмотр, а затем объявил: – Сотрясение.

– И куда его класть?

– Оставь пока в коридоре, сейчас решим.

Все это туманом. Все через вату. Игорь закрыл глаза.

А когда открыл – рядом была Вика. Его каталка была придвинута к ее постели, а перед глазами маячила ее загипсованная нога.

– Проснулся. – Улыбнулась она. Дотянулась, погладила рукой бинты. – Ну, привет, Рублев. Как твоя башка?

Паша

Если честно, Суриков только обрадовался, когда Аня по-

сле курантов позвала его домой. Все эти песни под гитару, шальные танцы, «Голубой огонек» и фейерверки до утра – это, конечно, хорошо. Но где-то глубоко в душе жило беспокойство: а как же там наш маленький Димка?

Новый Год – это же семейный праздник. Как теперь без него? Без сына. Как мы, вообще, раньше без него жили?

И они поехали домой с нетерпеливыми улыбками, с трепетным предвкушением, что увидят его и, наконец, обнимут. Держась за руки и постоянно переглядываясь, молодые родители вошли в квартиру.

– Уже? Так рано? – прошептала Лена Викторовна, вскакивая с кресла с бокалом в руке.

– Тише, мам. – Аня приложила палец к губам. – Ты сиди, сиди.

Пашка снял куртку, подошел, обнял мать и поцеловал в макушку.

– Спасибо. – Сказал искренне. – С Новым Годом.

– Да не за что. Тебя тоже. Как повеселились?

– Хорошо. – Он посмотрел на Аню, крадущуюся на цыпочках в детскую. – Но дома, если честно, еще лучше.

Мама прекрасно их понимала. Она знала, что родить ребенка – это как вынуть свое сердце и отдать ему. Тебе больше нигде не будет так хорошо, как рядом с этим комочком счастья. И это здорово, что ее дети тоже это осознали.

– О-о, – с умилением произнесла Аня, глядя на Димку, распластавшегося на середине кровати под тусклым светом

ночника.

Ножки эти крепенькие, щечки розовые, пальчики, сложенные в кулачки – все это хотелось расцеловать, и желательно немедленно. На нее накатила очередной прилив безграничной нежности. *Вот, где ей было лучше всего.* Вот с кем. Рядом с семьей и с главным человеком ее жизни – с сыном.

Они с Пашкой разделись и легли по обе стороны от малыша. Аня погладила его по спинке, сжала махонькие пальчики в своей ладони, придвинулась ближе и улыбнулась, глядя, как сладко он сопит во сне.

За окном грохотали салюты, слышались звонкие крики соседских ребятишек. Пашка накрыл своей рукой сына и плечо жены.

– Как же я люблю вас, – прошептал он, чувствуя себя самым счастливым на свете.

– И я, – улыбнулась Аня.

Джастин

Американец проснулся и понял, что лучший Новый Год – это когда просыпаешься в России зимним утром. Рядом – любимая. За окном белый снег хлопьями. Не нужно никуда спешить. И вот так валяться можно целых десять дней. Разве не волшебно?

– Зоя. – Тихо позвал он.

– М-м? – Отозвалась она, не открывая глаз.

Он прикоснулся губами к ее плечу.

– Зоя.

Девушка открыла глаза, первым делом проверяя, на месте ли ее кольцо. Куда ж оно могло деться?

– Что?

Американец улыбнулся.

– Доброе утро, будущая миссис Реннер.

Разве она могла злиться, что он разбудил ее только для того, чтобы напомнить, как они счастливы?

– Доброе утро, hunnybunny².

Дима

Он хотел сделать жене приятное. Принес завтрак в постель, поставил на тумбочку. Сел на край кровати и принялся любоваться ее очаровательным сонным личиком. Калинин удивлялся: разве могла эта женщина стать еще красивее, чем прежде? Все-таки, не врут люди – беременность преобразует.

Теперь, с его ребенком под сердцем, Маша излучала особенный свет. Даже во сне. И Диме нравилось это новое ощущение, которое он испытывал, глядя на нее. Ответственность. За нее, за своего будущего сына, за весь их маленький уютный мир. Он готов был на всё, чтобы сделать их счастливыми.

Улыбаясь, будущий папаша взял в руку мандарин. Боль-

² зайка, лапушка, солнышко (ласковое прозвище с англ.)

шой, оранжевый. С мясистой толстой шкуркой. Не гладкой, немного бугристой. На ощупь кожа будто находилась отдельно от мякоти, а между ними была пустота. Раскрыл – и аромат моментально разнесся по всей комнате. Это пахло Новым Годом.

– Ой-ой-ой-ой, – едва заслышав этот запах, Маша спрыгнула с постели и побежала в уборную.

– Вот черт. – Рванул за ней Дима.

Он совсем забыл про будущего спутника ближайших месяцев – утреннюю тошноту.

– Прости, родная. – Наклонился он.

И аккуратно собрал ее волосы в хвост, чтобы не запачкались.

– Кажется, прошло. – Жена повернулась и посмотрела на него. – Всё хорошо. Но пока никаких завтраков в постель, ладно?

– Хорошо.

Дима видел в глазах любимой радость. Чувствовал в ее сердце любовь. Он заключил Машу в свои объятия и нежно поцеловал в лоб.

«Тот день, когда их станет трое, станет самым счастливым в их жизни» – уже знал он.

А пока они планировали наслаждаться месяцами ожидания со спокойствием в душе и твердой верой в то, что тот, кто покрасил ту злосчастную скамейку возле универа, был настоящим волшебником. Не зря они тогда приклеились: и к

ней, и друг к другу.

Джон

Он проснулся от звонкой трели: надрывался его телефон.

– Да.

– Привет. – Голос девушки казался слегка охрипшим. – Прости, что не отвечала. Я была в рейсе, а мобильник забыла дома.

Как же все было просто. Она не отвечала, потому что не читала его сообщений!

– Думал, что ты дала мне отставку.

– Даже не мечтай! – Рассмеялась она.

После разговора Джон чувствовал необыкновенное тепло в груди. Он понимал, что это гораздо большее, чем просто симпатия. Он не может без нее. И эти чувства взаимны.

А за окном мела метель, и ярко светило солнце.

Британец улыбнулся. «Генерал Мороз», как его назвала «The Daily Telegraph», прочно ассоциировался в сознании его соотечественников с почти благоговейным ужасом. Но здесь его называли Простой Русский Дыбак, и Джон уже не боялся этого сплошного ледяного ада, он подружился с ним – знал, как его приручить.

– Чаю, Джонушка? – Спросила Мария Федоровна, когда парень спустился в столовую.

Старушка обожала, когда холодным зимним утром вся семья встречалась за столом в натопленном доме.

– О-у-е-е-е. – Радостно пропел британец, садясь на стул и ощущая необыкновенный прилив сил.

Он бросил взгляд на окно.

Морозная сказка с ярким солнцем и искрящимся снегом, который так звонко хрустит под ногами. Очень холодно и очень красиво. Обжигающе красиво, просто потрясно!

В его голове моментально родились строчки новой песни. «Still got a Fire in Me»³ —он быстро набрал заметку и спрятал телефон в карман.

– С медом и лимоном. – Улыбнулась бабуля.

Он улыбнулся в ответ.

В воздухе витал аромат свежей выпечки, корицы, цитрусовых и едва различимые нотки нового хита. Британец положил руки на горячую чашку и вдруг понял: а ведь вот оно – огонь на кончиках пальцев. Счастье, переполняющее его сердце, ровно так и ощущалось.

Сергей Романыч

– Такие дела, мадемуазель. – Долизав последние капли шампанского со стола и подкрепившись фруктовой нарезкой, Сергей почувствовал себя местным Остином Пауэрсом – уверенным и чертовски соблазнительным. Вот только флиртовать ему было не с кем, кроме старой бабушкиной игольницы, утыканной длинными иглами и булавками, стоящей в шкафу за стеклянной дверцей.

³ Still got a Fire in Me – Во мне все еще горит огонь (пер. с англ.)

Они так и переговаривались через эту перегородку. Точнее, Сергей говорил, а игольница отвечала ему многозначительным молчанием.

– И я сражен вашей красотой, клянусь. – От его дыхания на стекле оставались облачка конденсата, на которых он крохотной лапкой рисовал сердечки, сквозь которые бросал на объект соблазнения томные взгляды.

И только ежик собрался пописать, чтобы запахом привлечь незнакомку, как звонкий лай противного Зямы заставил его подпрыгнуть на месте.

– Гав! Гав! Гав! Гав! – Это чучело с блестящими черными ушами носилось, царапая когтями пол, и громко лаяло.

– Да что стряслось? – Устало фыркнул ежик.

– Гости! Гости! – Высунув язык, сообщил Зяма.

Звонко твякнув, он снова убежал в прихожую.

– О, мои птички певчие! – Радостно приветствовала вошедших Мария Федоровна. – Проходите, ребята! Хорошо, что приехали! Устали, небось, после своих корпоративов новогодних? Ничего, бабуля сейчас вас накормит, в баньке попарит, в Контру обыграет. Ярик, Боря, Никитка, Миша, Леся, проходите, солнышки мои!

Сережка приготовился свернуться в клубок, разглядывая незваных гостей. Вошедшие люди громко шумели, скалились, занимали все доступные поверхности, рассаживались на стулья. Одно радовало: сейчас стол опять заставят едой, и можно будет чем-нибудь поживиться.

– Мария Федоровна, а куда мне поставить клетку с моими девочками? – Спросила гостя. – Не с кем было в этот раз оставить, пришлось возить сестричек с собой.

– Ставь сюда. – Указала старушка. – Не замерзли?

– Нет, у них внутри флисовый домик с обогревом.

– Вот так. Сюда. Хорошо.

– Вы точно не против?

– Я? – Мария Федоровна как-то странно хрюкнула, искоса поглядывая на носящегося по гостиной пса. – Что ты, нет! У нас тут где-то еще Сережка бегают. Так что не скучно будет твоим девчонкам.

Сережка насторожился. Нетерпеливо вытянул носик, втянув запах, исходивший из домика. И вдруг все его иголки встали по стойке смирно.

– Молли, Долли, ну-ка, выходите! – Пропела блондинка. – Познакомьтесь с бабушкой.

Сначала из флисового кокона показался черный блестящий нос. Затем... еще один. Они появились, как две богини Афродиты, ступающие медленно и лениво на землю из пены морской. Белая шерстка, длинные упругие иголки, изящные лапки с элегантными коготками.

– Мрь... – Потянулась первая.

И зевнула, обнажив острые зубки.

– Фрь... – Кинематографично небрежно и весьма волнуяще причмокнула ртом вторая.

И кокетливым движением лапки поправила уложенные

волной иголки.

«О, Боже... – подумал Серега. – Какая элегантная походка. Какие манеры! Какое пушистое декольте, выгодно подчеркивающее достоинства фигуры. Ей очень пошло бы бикини!»

Да что тут говорить, обе гостьи были несказанно хороши.

– Пфи! – Пискнул он, привлекая их внимание.

Самки настороженно переглянулись, а затем устались в сторону подозрительного звука. Достаточно было одного взгляда, чтобы почувствовать взаимное притяжение.

– Дамы. – Самец, нахохлившись и выпятив грудь колесом, раскинул лапки. – Добро пожаловать в мое скромное жилище. – Серхио наградил каждую многообещающим взглядом истинного альфа-самца. – Изысканные закуски, – он указал на обрастающий тарелками стол, – дорогие вина и лучшие развлечения! Все для вас!

Почувствовав их смущение и явный интерес, Серхио Обольстительный подмигнул каждой по очереди и очаровательно улыбнулся.

– Позвольте прокатить вас, дамы? – Он громко свистнул. – Где же ты, мой верный пес?

Зяма высунул одно ухо из-под стола:

– Ты мне?

– Ну, же, не подведи меня, дружище. – Стараясь не терять лица, взмолился Серега. – Вези меня, мой Буцефал!

Размахивая хвостом, как лассо, Зяма подбежал ближе:

– А-а-а, перед девушками рисуешься, значит.

– Цыц. Тише. – Шепнул еж. – Добуду для тебя пельмени, окорок и шоколадные пирожные.

Пёс прикинул в уме и радостно кивнул:

– Идет. Запрыгивай!

И, читая про себя ежиные молитвы, Серхио с видом бесстрашного Зорро спрыгнул на собачью спину:

– Оп! – И впился лапками в шерсть.

«Надеюсь, оно того стоит», – думал Зяма.

И оно стоило. Потому что ежихи, заворуженно глядя на бесстрашного самца, уже дружно аплодировали:

– C'esteffarant! étonnamment! Quel homme!⁴

Настя

Ромка смотрел на свою красавицу и понимал, что не ошибся. Новая жизнь нравилась ему гораздо больше прежней. Теперь в ней был смысл – его Настя. Наивная, упрямая, решительная и такая ранимая. И ему нравилось быть для нее тем, кто оберегает ее от всего сложного и нехорошего, что есть в мире. Тем, кто любит ее всем своим существом.

– Ёжка... – Он проложил дорожку из поцелуев от ее шеи к плечу.

– Отвали, мажорище. – Улыбнулась она.

И Ромка тоже улыбнулся.

Он даже и забыл, что когда-то таким и был – все давно

⁴ Потрясающе! Невероятно! Какой мужчина!

переменилось. У него появились настоящие друзья и настоящие отношения: Гай исчез, а вместе с ним и все его наследство в виде бездумных тусовок и глупых пижонских ужимок.

– Ёжичка... – Парень залюбовался копной одуванчиковых волос, разметавшихся по подушке и щекочущих его нос. – Ёжичка моя любимая, открой личико.

Настя повернулась и поцеловала его – сонно и нежно. И в этот момент где-то за дверью раздался отчаянный собачий лай. Гав, гав, гав!

– Похоже, еще кто-то приехал.

За дверью послышались голоса ребят из группы «The Diverse», озорной Леськин смех и веселые приветствия Джона.

Ромка вздохнул, а Настя потерла ладонями глаза.

– Знаешь, что мне сегодня снилось? – Сказала она.

– Что?

– Будто наш Сережка разговаривает. По-настоящему, по-человечески.

– Ага, – улыбнулся Роман, – и песни поет!

– Да. А еще, что он из своей клетки в гостиной вышел и по всему дому разгуливает. Может, проверить его?

– А клетку ему кто откроет? Зяма, что ли? – Парень пригнул девушку к себе. – Даже не переживай, все у него нормально. Большой уже мальчик. – Он подтянул одеяло повыше. – Лучше иди ко мне...

Прямо за дверью послышался звонкий цокот собачьих

когтей по ламинату.

– Этот пёс носится, как придурочный. – Хихикнула Настя.

– Он такой и есть.

Если бы они только могли видеть Сережку, сидящего на холке Зямы, держащегося лапками за гладкую шерсть, как залихватский ковбой, и громко кричащего: «И-и-и-ха-а-а-а-а!!!», то это была бы уже совсем другая история...

Мария Федоровна

На плите кипели голубцы, в кастрюле томился ароматный глинтвейн. Бабушка рассматривала елочные игрушки и улыбалась.

Вот эту муж подарил ей в далеком семьдесят пятом, когда они были еще совсем молодыми. Он так смущался, когда она пригласила его в гости. Кто ж тогда знал, что у них будет такая крепкая семья?

А вот этого космонавта Юрка сделал сам, а вот эту белочку раскрашивал Ванечка – кто ж тогда знал, что он вырастет и будет людей раскрашивать?

А вот этот стеклянный орешек, покрытый перламутром, она купила специально для Димочки. Это была первая игрушка, которую он самостоятельно повесил на елку.

Как же приятно доставать их каждый год, развешивать на ветвях лесной красавицы и вспоминать с легкой долей грусти. Но ничего. Вот сейчас остальные приедут: ее сыновья, любимая Сонечка с подарками. Она накормит их всех и смо-

жет расслабиться.

Все-таки хорошо, когда все собираются вместе в Новый Год. *Это и есть настоящее счастье.*

КОНЕЦ